

УДК 800

ББК 81

А 97

Т.Д. Ачкасова

Особенности языкового структурирования пространства

Аннотация:

Автор рассматривает особенности представления мира человеком в реальностях пространства, что является отражением совокупного чувственного опыта.

Ключевые слова:

Интерпретация пространства, мыслительная категория, семантическая категория, топологический признак, концептуализация, личностная установка, антропоцентричность.

Выделение категории пространства и времени является важной вехой речемыслительной и познавательной деятельности человека, построения его языковой картины мира [8, С.312]. С накоплением все больших знаний об окружающем и внутреннем мире человека представления о времени и пространстве усложняются и приобретают новую трактовку. Мыслительная категория пространства преобразуется языком в семантическую категорию. Под семантической категорией мы понимаем общую часть значений языковых форм, а также интерпретацию пространства, создаваемую этими формами.

Межъязыковые различия в интерпретации пространства могут изучаться с двух позиций: 1) исходя из мыслительной категории; 2) исходя из семантической категории пространства.

Категория пространства имеет философский, физический и лингвистический аспекты. Лингвистический аспект может быть представлен как совокупность способов языкового выражения сущности философского и физического аспектов.

Мир представляется человеку в реальностях пространства и времени и определяется не только в философских и логических формах, но также и в языке.

Язык является «культурной формой идеального бытия человека, универсальным способом жизнедеятельности, с помощью которого человек реализует себя во всей совокупности отношений к природе, социуму и самому себе». [2, С.4]

Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве каких-либо предметов, действий, событий, определенных пространственных ориентиров - локумов. Локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета, действия, признака [1, С.6].

Для описания средств выражения пространственных отношений в каком-либо языке нужно выделить типы концептуализации, признавая общий универсальный характер категории пространства и времени. Ведь языковые средства должны соответствовать смыслу, передаваемому ими, а не определенному научно-математическому представлению о категориях пространства и времени. Таким образом, вид концептуализации и выбранные для этого средства являются «функционально обусловленными абстракциями

совокупности жизненного опыта какого-либо отдельно взятого культурного сообщества» [3, С.154].

На уровне слов и конструкций происходит кодирование пространственных свойств и отношений, а более всего топологичность понимания пространства проявляется в семантике пространственных предлогов, которые «идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними, абстрагируясь как от специфической формы и величины объектов, так и от расстояния между ними» [3, С. 155].

Какая же концепция пространства лежит в основе вербальных описаний? И.М. Кобозева, говоря о вербальном описании пространства вне философского и научного контекстов, подчеркивает его стандартно-бытовое понимание.

Французский лингвист Гюстав Гийом, создавший «менталистскую» теорию речевой деятельности полагал, что «человек видит мир глазами своего тела» [7, С.7]. Но он видит его так, как его должен видеть человек, только в том случае, если он видит его в своем сознании. На языковом уровне мир опосредован языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка.

По мнению Е.С. Кубряковой, причастность языка к актам восприятия является серьезной проблемой, выходящей за рамки психологии. Е.В. Рахилина предполагает, что языковые значения можно связывать с фактами действительности «не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке» [6, С.11].

Сопоставление данных различных языков указывает на то, что характерной основной чертой языка является локализм – важнейшая составляющая человеческой речи. А.В. Кравченко считает локализм средством выражения (в период первоначального этапа существования человеческой речи в терминах места и пространства) любых отношений, которые в дальнейшем могут развиваться в более тонкие различия грамматических категорий (падеж, время, наклонение) [4, С.73].

Умение человека ориентироваться в окружающем его пространстве эксплицировано в языке и выражает когнитивную способность человека соотносить реалии мира с антропоцентрично установленными категоризаторами пространства – справа, слева, внизу, вверху, спереди, сзади.

Видению ситуации в разных ракурсах способствуют личностные установки человека, так как в фокусе его внимания оказываются разные компоненты ситуации.

Чувственно-наглядное восприятие и представление предмета являются отражением совокупного чувственного опыта человека. Однако существует логическая абстракция, связанная с выделением топологических признаков предметов. Понятия «верх-низ», «перед-зад», «право-лево» важны для чувственной системы отсчёта. Когда же предметы делятся на одномерные, двухмерные, трёхмерные, речь идёт о геометризации пространства, который предполагает «логическую классификацию предметов на обобщённом уровне различий по измерениям» [4, С.46].

Почему-то размеры разных объектов с одной и той же конфигурацией описываются по-разному: мы говорим высокие колонны, но длинные ноги, широкая кровать, но глубокая книжная полка, глубокая миска, но высокий стакан и т.д.

Различия здесь обусловлены точкой зрения говорящего (наблюдателя) на объект: высокий объект, на который смотрят как бы снизу вверх, глубокий – наоборот, сверху вниз и т.д.

Сама позиция говорящего и его точка зрения определяется тем, как данный объект используется человеком в нормальных условиях функционирования данного объекта.

Итак, на колонны человек «смотрит» снизу вверх (высокие), но на ноги – сверху вниз (длинные). Из миски человек вычерпывает содержимое, значит опускает туда ложку и тем самым измеряет её глубину, а для стакана релевантна внешняя поверхность, за которую держат, и размер которым «отсчитывают» от поверхности опоры; книжки «измеряют» глубину полки, когда их ставят и вынимают, а говоря о кровати, человек, конечно мыслит себя спящим в ней, значит помещает себя в центр объекта (широкая) и т.д. Е.В. Рахилина в этой связи справедливо отмечает, что «фактически носитель языка вообще не может описать размер, форму или даже ориентацию в пространстве объекта, если не знает, как его можно использовать» [6, С.9].

Следовательно, развитие представлений о пространстве и времени является результатом контактов с окружающим миром, что свидетельствует о его антропоцентрическом характере. Принципы и единицы мышления для всех народов едины, т.е. когнитивное структурирование универсально, отличаются от языка к языку лишь инструментальные структуры.

В лингвистике достаточно твёрдо закрепился термин «концепт» для обозначения мыслительного образа, называемого той или иной лексической единицей.

По мнению И.А. Стернина, можно говорить о трёх разновидностях мыслительных образов, обнаруживающихся в лексических единицах разных типов. Концепты – представления, которые выступают в качестве смысловой стороны лексических единиц. Гештальты образуют семантическое содержание так называемой абстрактной лексики. Фреймы и сценарии представляют собой разновидности гештальтов [9, С.63].

Представления, гештальты и понятия тесно переплетаются как в мыслительной, так и в коммуникативной практике. Одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях реализовать либо гештальт, либо понятие, либо представление, т. к. все эти концепты представляют собой разные уровни мыслительной абстракции. В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, лексически невыраженных концептов. Все они отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием называющих его языковых единиц, так как концепты (понятия) возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят от действительности, а не от языка.

Примечания:

1. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.
2. Дмитриева Э.Я. Пространство и время в философии языка: культурные духовные смыслы и логические понятия // Пространство и время в языке. Тезисы и материалы Международной конференции. – Часть I. – Самара, 2001.
3. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С.152-163.
4. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН, СЛЯ. – Т. 55. – № 3. – 1995.
5. Кубрякова Е.С. К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем // Вопросы языкознания. – № 2. – 1967.
6. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН, Серия лит. Ин. яз. – Т. 59. – 2000. – С.3-15.
7. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. – СПб., 1997.
8. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические программы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.
9. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С.55-67.